

ЛИТЕРАТУРА

Всероссийская
олимпиада школьников

7-8 классы
II (муниципальный) этап
2023

Уважаемые участники олимпиады! Вам предстоит выполнить предлагаемые задания. Время их выполнения – 3 академических часа (135 минут). Работу рекомендуется организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание и критерии оценивания;
 - обдумайте и сформулируйте ваш ответ;
 - не забывайте, что единственно верных ответов по вопросам первого задания нет; важно, чтобы ваши ответы соответствовали заданию и критериям, опирались на знание особенностей построения художественного текста;
 - при выполнении второго задания проявите творческую инициативу, умение видеть в музейных экспонатах образные соответствия персонажам и изображаемой в произведении эпохе;
 - после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.
- Максимальная оценка – 50 баллов.

Задание 1. Анализ прозаического текста

Задание. Изложите свое мнение по предлагаемым вопросам.

Прембула. В рассказе А.Т. Аверченко высмеивается явление художественной жизни, зародившееся на рубеже XIX – XX вв. и получившее затем широкое распространение в искусстве вплоть до наших дней. Это ИНСТАЛЛЯЦИЯ. Она представляет собой пространственную (объемную) композицию, созданную из разнородных готовых предметов и предлагаемую зрителям как произведение искусства. Создатели инсталляций считают, что традиционное реалистическое искусство исчерпало себя и безнадежно устарело, а в их композициях обычная вещь освобождается от привычного практического значения и приобретает значение символа, художественного образа. Они утверждают, что инсталляции активизируют воображение и эмоциональное восприятие зрителя, побуждают его к анализу окружающего мира и критическому мышлению, к установлению ассоциативных связей между различными предметами и явлениями. Отношение к инсталляциям в современной культуре разное. Есть их горячие сторонники, есть непримиримые противники.

ВОПРОСЫ

- 1.1. Каково ваше отношение к подобным экспериментам в художественном творчестве?
- 1.2. Рассказ разбит автором на 6 частей. Каждая часть – этап развития действия. Как вы могли бы озаглавить эти части?
- 1.3. Какие средства использованы в рассказе для того, чтобы вызвать смех читателя?
- 1.4. Большая часть произведения Аверченко – диалоги, а не описание и авторское повествование. Нравится ли вам подобная литературная манера?
- 1.5. Если бы вам предложили выставить для общего обозрения свою инсталляцию, какой набор предметов (не более 5-ти) вы в нее включили бы и как объяснили бы смысл этой композиции?

Аркадий Аверченко

КРЫСА НА ПОДНОСЕ

- Хотите пойти на выставку нового искусства? – сказали мне.
- Хочу, – сказал я.
- Пошли.

I

- Это вот и есть выставка нового искусства? – спросил я.
- Эта самая.
- Хорошая.

Услышав это слово, два молодых человека, долговязых, с прекрасной розовой сыпью на лице и изящными деревянными ложками в петлицах, подошли ко мне и жадно спросили:

- Серьезно, вам наша выставка нравится?
- Сказать вам откровенно?
- Да!
- Я в восторге.

Тут же я испытал невыразимо приятное ощущение прикосновения двух потных рук к моей руке и глубоко волнующее чувство от созерцания небольшого куска рожи, на котором была нарисована пятиногая голубая свинья.

- Ваша свинья? – осведомился я.
- Моего товарища. Нравится?
- Чрезвычайно. В особенности эта пятая нога. Она придает животному такой мужественный вид. А где глаз?
- Глаза нет.
- И верно. На кой черт действительно свинье глаз? Пятая нога есть – и довольно. Не правда ли?

Молодые люди, с чудесного тона розовой сыпью на лбу и щеках, недоверчиво поглядели на мое простодушное лицо, сразу же успокоились, и один из них спросил:

- Может, купите?
- Свинью? С удовольствием. Сколько стоит?
- Пятьдесят...

Было видно, что дальнейшее слово поставило левого молодого человека в затруднение, ибо он сам не знал, чего пятьдесят: рублей или копеек? Однако, заглянув еще раз в мое благожелательное лицо, улыбнулся и смело сказал:

- Пятьдесят ко... рублей. Даже, вернее, шестьдесят рублей.
- Недорого. Я думаю, если повесить в гостиной, в простенке, будет очень недурно.
- Серьезно, хотите повесить в гостиной? – удивился правый молодой человек.
- Да ведь картина же. Как же ее не повесить!
- Положим, верно. Действительно картина. А хотите видеть мою картину «Сумерки насущного»?

- Хочу.
- Пожалуйте. Она вот здесь висит. Видите ли, картина моего товарища «Свинья как таковая» написана в старой манере, красками; а я, видите ли, красок не признаю; краски связывают.

– Еще как, – подхватил я. – Ничто так не связывает человека, как краски. Никакого от них толку, а связывают. Я знал одного человека, которого краски так связали, что он должен был в другой город переехать...

- То есть как?
- Да очень просто. Мильдяевым его звали. Где же ваша картина?
- А вот висит. Оригинально, не правда ли?

II

Нужно отдать справедливость юному маэстро с розовой сыпью – красок он избегнул самым положительным образом: на стене висел металлический черный поднос, посредине которого была прикреплена каким-то клейким веществом небольшая дохлая крыса. По бокам ее меланхолически красовались две конфетные бумажки и четыре обгорелые спички, расположенные очень приятного вида зигзагом.

– Чудесное произведение, – похвалил я, полюбовавшись в кулак. – Сколько в этом настроения!.. «Сумерки насущного»... Да-а... Не скажи вы мне, как называется ваша картина, я бы сам догадался: э, мол, знаю! Это не что иное, как «Сумерки насущного!» Крысу сами поймали?

– Сам.

– Чудесное животное. Жаль, что дохлое, погладить?

– Пожалуйста.

Я со вздохом погладил мертвое животное и заметил:

– А как жаль, что подобное произведение непрочно... Какой-нибудь там Веласкес или Рембрандт живет сотни лет, а этот шедевр в два-три дня, гляди, и испортится.

– Да, – согласился художник, заботливо поглядывая на крысу. – Она уже, кажется, разлагается. А всего только два дня и провисела. Не купите ли?

– Да уж и не знаю, – нерешительно взглянул я на левого. – Куда бы ее повесить? В столовую, что ли?

– Вешайте в столовую, – согласился художник. – Вроде этакого натюрморта.

– А что, если крысу освежать каждые два-три дня? Эту выбрасывать, а новую ловить и вешать на поднос?

– Не хотелось бы, – поморщился художник. – Это нарушает самоопределение артиста. Ну, да что с вами делать! Значит, покупаете?

– Куплю. Сколько хотите?

– Да что же с вас взять? Четыреста... – Он вздрогнул, опасливо поглядел на меня и со вздохом закончил: – Четыреста... копеек.

– Возьму. А теперь мне хотелось бы приобрести что-нибудь попрочнее. Что-нибудь этакое... неорганическое.

– «Американец в Москве» – не возьмете ли? Моя работа.

Он потащил меня к какой-то доске, на которой были набиты три жестяные трубки, коробка от консервов, ножницы и осколок зеркала.

– Вот скульптурная группа: «Американец в Москве». По-моему, эта вещица мне удалась.

– А еще бы! Вещь, около которой заржать от восторга. Действительно, эти приезжающие в Москву американцы, они тово... Однако вы не без темперамента... Изобразить американца вроде трех трубочек...

– Нет, трубочки – это Москва! Американца, собственно, нет; но есть, так сказать, следы его пребывания...

– Ах, вот что. Тонкая вещь. Масса воздуха. Колоритная штукенция. Почему?

– Семьсот. Это вам для кабинета подойдет.

– Семьсот... Чего?

– Ну, этих самых, не важно. Лишь бы наличными.

III

Я так был тронут участием и доброжелательным ко мне отношением двух экспансивных, экзальтированных молодых людей, что мне захотелось хоть чем-нибудь отблагодарить их.

– Господа! Мне бы хотелось принять вас у себя и почествовать как представителей нового чудесного искусства, открывающего нам, опустившимся, обрюзгшим, необозримые светлые дали, которые...

– Пойдемте, – согласились оба молодых человека с ложками в петлицах и миловидной розовой сыпью на лицах. – Мы с удовольствием. Нас уже давно не чествовали.

– Что вы говорите! Ну и народ пошел. Нет, я не такой. Я обнажаю перед вами свою бедную мыслями голову, склоняю ее перед вами и звонко, прямо, открыто говорю: «Добро пожаловать!»

– Я с вами на извозчике поеду, – попросился левый. – А то, знаете, мелких что-то нет.

– Пожалуйста! Так, с ложечкой в петлице и поедете?

– Конечно. Пусть ожиревшие филистеры и гнилые ипохондрики смеются – мы выявляем себя, как находим нужным.

– Очень просто, – согласился я. – Всякий живет как хочет. Вот и я, например. У меня вам кое-что покажется немного оригинальным, да ведь вы же не из этих самых... филистеров и буржуев!

– О, нет. Оригинальностью нас не удивишь.

– То-то и оно.

IV

Приехали ко мне. У меня уже кое-кто: человек десять – двенадцать моих друзей, приехавших познакомиться поближе с провозвестниками нового искусства.

– Знакомьтесь, господа. Это все народ старозаветный, закоренелый, вы с ними особенно не считайтесь, а что касается вас, молодых, гибких пионеров, то я попросил бы вас подчиниться моим домашним правилам и уставам. Раздевайтесь, пожалуйста.

– Да мы уж пальто сняли.

– Нет, чего там пальто. Вы совсем раздевайтесь.

Молодые люди робко переглянулись:

– А зачем же?

– Чествовать вас будем.

– Так ведь так... не раздеваясь.

– Вот оригиналы-то! Как же так, не раздеваясь, вымазать ваше тело малиновым вареньем?

– Почему же... вареньем? Зачем?

– Да уж так у меня полагается. У каждого, как говорится, свое. Вы бросите на поднос дохлую крысу, пару карамельных бумажек и говорите: это картина. Хорошо! Я согласен! Это картина. Я у вас даже купил ее. «Американца в Москве» тоже купил. Это ваш способ. А у меня свой способ чествовать молодые, многообещающие таланты: я обмазываю их малиновым вареньем, посыпаю конфетти и, наклеив на щеки два куса бумаги от мух, усаживаю чествуемых на почетное место. Есть вы будете особый салат, приготовленный из кусочков обоев, изрубленных зубных щеток и теплого вазелина. Не правда ли, оригинально? Запивать будете свинцовой примочкой. Итак, будьте добры, разденьтесь. Эй, люди! Приготовлено ли варенье и конфетти?

– Да нет! Мы не хотим... Вы не имеете права...

– Почему?!

– Да что же это за бессмыслица такая: взять живого человека, обмазать малиновым вареньем, обсыпать конфетти! Да еще накормить обоями с вазелином... Разве так? Мы не хотим. Мы думали, что вы нас просто кормить будете, а вы... мажете. Зубные щетки рубленые даете... Это даже похоже на издевательство!.. Так нельзя. Мы жаловаться будем.

– Как жаловаться? – яростно заревел я. – Как жаловаться? А я жаловался кому-нибудь, когда вы мне продавали пятиногих синих свиней и кусочки жести на деревянной доске? Я отказывался?! Вы говорили: мы самоопределяемся. Хорошо! Самоопределяйтесь. Вы мне говорили – я вас слушал. Теперь моя очередь... Что?! Нет уж, знаете... Я поступал по-вашему, я хотел понять вас – теперь понимайте и вы меня. Эй, люди! Разденьте их! Мажь их, у кого там варенье. Держите голову им, а я буду накладывать в рот салат... Стой, брат, не вырвешься. Я тебе покажу сумерки насущного! Вы самоопределяетесь – я тоже хочу самоопределиться...

V

Молодые люди стояли рядышком передо мной на коленях, усердно кланялись мне в ноги и, плача, говорили:

- Дяденька, простите нас. Ей-богу, мы больше никогда не будем.
- Чего не будете?
- Этого... делать... Таких картин делать...
- А зачем делали?
- Да мы, дяденька, просто думали: публика глупая, хотели шум сделать, разговоры

вызвать.

- А зачем ты вот, тот, левый, зачем крысу на поднос повесил?
- Хотел как чуднее сделать.
- Ты так глуп, что у тебя на что-нибудь особенное, интересное даже фантазии не хватило. Ведь ты глуп, братец?
- Глуп, дяденька. Известно, откуда у нас ум?!
- Отпустите нас, дяденька. Мы к маме пойдем.
- Ну ладно. Целуйте мне руку и извиняйтесь.
- Зачем же руку целовать?
- Раздену и вареньем вымажу! Ну?!
- Вася, целуй ты первый... А потом я.
- Ну, бог с вами... Ступайте.

VI

Провозвестники будущего искусства встали с колен, отряхнули брюки, вынули из петлиц ложки и, сунув их в карман, робко, гуськом вышли в переднюю.

В передней, натягивая пальто, испуганно шептались:

- Влетели в историю! А я сначала думал, что он такой же дурак, как и другие.
 - Нет, с мозгами парень. Я было испугался, когда он на меня надвигаться стал. Вдруг, думаю, подносом по голове хватит!
 - Слава Богу, дешево отделались.
 - Это его твоя крыса разозлила. Придумал ты действительно: дохлую крысу на поднос повесил!
 - Ну, ничего. Уж хоть ты на меня не кричи. Я крысу выброшу, а на пустое место стеариновый огарок на носке башмака приклею. Оно и прочнее. Пойдем, Вася, пойдем, пока не догнали.
- Ушли, объятые страхом...

1917

Оценка выполненного задания

При оценке учитываются:

1. Соответствие ответа поставленному вопросу.
2. Понимание смысла и художественных особенностей произведения.
3. Аргументированность высказываемых суждений.
4. Общекультурная и литературная компетентность.
5. Орфографическая, пунктуационная и речевая грамотность.

Максимальная оценка ответа на каждый из пяти вопросов задания (1.1; 1.2; 1.3; 1.4; 1.5) – 5 баллов.

Максимальная суммарная оценка за все первое задание – 25 баллов.

Задание 2. Творческая работа. Экспозиция персонажа в музее литературного произведения.

Выберите для музейной экспозиции 5 экспонатов, характеризующих образ какого-либо персонажа из изученного вами ранее произведения (Митрофан Простаков, купец Калашников, Дубровский, Маша Троекурова, Бедная Лиза, Акакий Акакиевич, Ассоль, Джон Сильвер или др.). Объясните свой выбор, опишите особенности и определите значимость данного экспоната для понимания образа персонажа.

При оценке учитываются:

1. Знание текста произведения.
2. Понимание особенностей данного персонажа.
3. Образная показательность экспоната.
4. Культурный кругозор участника.
5. Точность, ясность и выразительность изложения.

**Максимальная оценка по каждому из пяти параметров оценивания – 5 баллов.
Максимальная суммарная оценка за все второе задание – 25 баллов.**